

Дети войны

Цикл рассказов

Война искалечила тысячи детских судеб, отняла светлое и радостное детство. Дети войны, как могли, приближали Победу в меру своих маленьких и слабых сил. Они хлебнули горя полной чашей, ведь начало войны совпало для них с началом жизни... Сколько их было угнано на чужбину ... Сколько убито новорожденными...



Почему люди пишут свои воспоминания? Большинство из них связано с потерями, утратами, голодом, холодом и тяжким трудом. Зачем мы спрашиваем из об этом? Ведь каждое воспоминание переживается вновь.

Беречь прошлое побуждает нас наше будущее. Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и целей будущего. Стремление понять себя и осознать свое место в мире заложено в каждом человеке. И наша задача – побудить его к этому. Каждый человек, особенно проживающий долгую жизнь, несет в себе ценность опыта и мудрости. Постепенно люди уходят. Имеем ли мы право терять связь поколений ... если в наших силах сегодня запечатлеть бесценные свидетельства времени?

Мы изучаем историю нашей страны. Но есть и малая история каждой семьи. Если мы не расскажем своим детям, они не будут знать, что ели наши бабушки и дедушки, на чем они спали, в какие игры играли. Они не поймут, что значит для них слово «Победа». Только мы можем показать, чем отличается настоящая игра в войнушку от виртуальной, компьютерной. И дать почувствовать дым и запах костра.

Ольга Николаевна Маркусь

Имеет ли прошлое запах?



Я старался, тянулся за старшими

День начала войны запомнился мне на всю жизнь. Утро было ярким солнечным и на редкость теплым. Мы с братьями отца собирались на Окуловскую кошку – необитаемый густо поросший ивой остров на Северной Двине с великолепным песчаным пляжем. И, уже выходя из дома, услышали по радио экстренное сообщение о том, что в 12-00 состоится выступление Молотова. Все поняли: это война!

С этого дня началась новая, военная жизнь, полная тревог и горя. Репродукторы не выключались круглые сутки. В городе было объявлено военное положение: комендантский час, светомаскировка. Тут же началась мобилизация. Школы превратились в призывные пункты. Отцы и старшие братья уходили на войну, а нам молодым, пришло время взросления.

К сентябрю 1941 года в стране стал остро ощущаться недостаток продовольствия: самые «хлебные» районы страны были в руках противника.



Я старался, тянулся за старшими

Решением правительства было введено строгое нормирование потребления продуктов питания. Вводились карточки на хлеб, мясо, жиры, сахар, мыло и другие товары повседневного спроса. Через какое – то время в Архангельске, как и во всей стране, даже по карточкам не стало продуктов. Голод толкал людей на преступления. Широкое распространение получило воровство овощей из погребов, с частных и колхозных полей. У колхозов не было сил для охраны полей. Сторожами ставили подростков 12-13 лет. Бригадир давал «сторожу» охотничье ружье с патронами и говорил: «Полезут – стреляй! Не бойся, ты охраняешь государственное добро!» И на моей памяти 14-летний мальчик – мой сосед – темной ночью с испуга убил отца трех малолетних детей. В руках у того был кочан капусты. Парнишка получил два с половиной года колонии.

Мужчин в тылу оставалось все меньше. В сентябре в школе нас встретили только преподаватели-женщины. После урока мы шли обедать домой и, взяв нужный инвентарь, возвращались. Нашими руками во дворе школы для укрытия учащихся и преподавателей в случае бомбежки, были вырыты «щели» – глубокие узкие зигзагообразные окопы, обшитые изнутри досками, чтобы не осыпался грунт.



Я старался, тянулся за старшими

Весной школьники готовили в колхозе парники для посадки рассады. К этому надо добавить сбор металлолома, теплых вещей для солдат, шефские концерты в клубах и госпиталях. В обязанности школьников входило и отопление школьного здания. Каждая прожорливая голландка (печь), а их было не менее 50, требовали 2-3 охапки дров. Старшеклассники вместе с учителями были членами Дружины противовоздушной и химической обороны, и по вечерам обучались правам тушения зажигательных бомб, оказанию первой медицинской помощи при ранениях, ожогах и отравлении газами. При объявлении воздушной тревоги занимали свои посты согласно расписанию.

Учиться в те далекие годы было трудно. Один учебник приходился на 5-6 человек. Не было тетрадей и бумаги для рисования и черчения. Писали на обоях, оберточной бумаге и даже на газетах. Перья, карандаши, линейки – все было большой редкостью. Но самым страшным было отсутствие в школах должного числа преподавателей. К экзаменам по эти предметам готовились самостоятельно, кто как мог.



Я старался, тянулся за старшими

Обязанности преподавателей той поры не ограничивались преподаванием и воспитанием. Когда надо было, учителя вместе со старшеклассниками шли вместо уроков убирать урожай, расчищать дороги от снега, разгружать вагоны.

Из военных лет мне больше всего запомнился 1942 год. И, прежде всего, нашей первой крупной победой – битвой за Москву. Дорого обошлась она нам, но она повернула ход событий в нашу пользу, подняла дух народа, веру в окончательную, пусть и не скорую, победу. Запомнился он еще и потому что я сам повзрослел. В марте исполнилось 16 лет, в апреле был принят в комсомол и вскоре – избран членом райкома комсомола. Чуть раньше, по решению райкома, был направлен на курсы инструкторов противовоздушной и противохимической обороны. Занятия проводили офицеры военкомата, прошедшие Финскую войну.



*Василий Окулов с родителями.
Архангельск. 1927 год*

Я старался, тянулся за старшими

Я старался тянуться за старшими. По окончании курсов был назначен командиром отделения в системе всеобщего военного обучения. В программе всеобщего обучения была начальная военная подготовка, подготовка снайперов, радистов, телефонистов, лыжников. Кроме занятий, наряду со штатным составом, я дежурил по военкомату, принимал посетителей, работал в призывной комиссии, заведовал складом оружия и боеприпасов. Моя работа по подготовке пополнения для армии продолжалась до мая 1945 года. В феврале 1946 год, когда я приехал на каникулы, военный комиссар вручил мне медаль «За победу над фашистской Германией в Великой отечественной войне 1941-1945 годов». Той победной весной 9 мая 1945 года была подведена черта под школьной жизнью. Впереди была жизнь новая, студенческая, интересная, веселая и непростая.



*Василий Николаевич
Окулов*

«Вернуться домой уже не смогли»

Моя бабушка, Клавдия Константиновна Нечушкина, была еще ребенком, когда началась Великая Отечественная война. Но бабушка очень отчетливо помнит те страшные военные годы: «Год 1941-й был самым голодным. Жили мы тогда в деревне Обушково, а за хлебом приходилось ходить за десять километров в Дмитровское (нынче Красногорский район). Ходили обычно дети, взрослые работали. И вот однажды утром мы с сестрой ушли за хлебом, а вернуться домой уже не смогли – деревню наняли немцы. Первую ночь провели в стоге сена (а это было в декабре), потом нас приютили совсем чужие люди, которые заменили нам родных на целую неделю. Мы им очень благодарны».

Когда немцев из Обушково выбили, бабушка с сестрой вернулись домой. А война продолжалась. Детям наравне со взрослыми приходилось работать в колхозе. За домом семья бабушки вырыла окоп, в котором они прятались во время немецких бомбежек. Немного бабушка рассказывала о тех днях, с болью в сердце она это вспоминала. Мы должны навсегда извлечь урок из тех лет, чтобы война никогда больше не вошла в нашу жизнь.



Екатерина Нечушкина,
ученица 5 класса Павловской СОШ

«Сажать весной оказалось нечего»

Когда в 1941 году объявили, что артиллерийскую базу № 38 из Павловской Слободы эвакуируют в Кировскую область, мне было три года. Мама осталась в Павловской Слободе, а я с папой уехала. В товарном вагоне, где мы ехали, я упала с полки на горячую печку-буржуйку, но серьезных повреждений не получила. По приезду всех разместили по домам, мы попали в дом к хозяйке «пивнушки». Еды было мало, мне понемногу давали пива.

В Кировской области мы оставались около года, когда немцев прогнали, вернулись домой. Мама работала в колхозе, на трудодни выдавали немного зерна, сажали картошку. Солдаты, которые были на постое в нашем доме, съели корову, картошку, зерно и все припасы в погребе. Сажать весной оказалось нечего, но опять же через колхоз удалось найти зерно на посадку. Зерно мололи на мельнице, затем из муки пекли хлеб.

В 1945 году я пошла в первый класс, через десять лет окончила школу и поступила в техническое училище. Выучившись на токаря, работала на базе. Затем обучалась профессии оптика-механика, много лет работала по ремонту дальномеров, прицелов, биноклей, приборов ночного видения. Общий трудовой стаж – 52 года.



*Вера Васильевна
Паршина*

Вера Васильевна Паршина

«А моя бабушка молилась...»

Моя бабушка, папина мама, Нина Федоровна Сизова родилась в селе Рождествено в 1931 году. Когда началась Великая Отечественная война и немцы пришли в село, ей было всего лишь 10 лет. Перед тем как занять село, немцы его сильно бомбили. Все жители спрятались в землянках на своих огородах, а моя бабушка молилась: «Отче наш, иже еси на небесех...» И бомбы в дом не попали.

Несколько дней в нашем доме жили немцы, а бабушку Нину с прабабушкой Полей прогнали в землянку. Иногда приходили к ним и требовали еды. Затем русская армия пришла освобождать жителей от фашистов, немцы убежали и забыли у нас во дворе свою машину, у которой не работал двигатель. Потом моя бабушка выросла, вышла замуж за дедушку Васю, и у них родился мой папа Андрей Васильевич Семериков.

Анна Семерикова,

Ученица 2 класса православной школы «Рождество»



Добежать мы не успели

В конце ноября 1941 года Павловская Слобода представляло собой печальное зрелище – мертвые деревенские дома без поднимающегося дыма из труб, по окна занесенные снегом, кое-где с выбитыми стеклами. Все рабочие военной базы с семьями и колхозники были эвакуированы в Кировскую область, остались лишь старики да некоторые семьи, которые не смогли покинуть село. Из тридцати домов на нашей улице в одном жили старики Голубенковы, в другом – мы с мамой. Мне тогда было шесть лет.

Днем мама была на ферме при коровах, так как скотина была брошена, за ней приходилось ухаживать с утра до ночи. Мы же, маленькие дети, дома сидеть боялись, так как немцы подступали уже к Волоколамску и регулярно бомбили окрестности. Во время бомбежек от страха мы выбегали с братом на улицу и прятались в сугробах, вокруг полыхали пожары. Дни стояли короткие, быстро темнело. В один из таких дней и случилось несчастье. Мы, как обычно, с братом бродили по улице, мама была на скотном дворе, вдруг налетели самолеты, началась бомбежка. Брат держал меня за руку, чтобы я не убежала. Поташил меня к соседскому дому, чтобы укрыться, но добежать мы не успели – осколок снаряда попал ему в ногу.

Очень скоро на обед пришла мама, брата отвезли на санитарный поезд, но спасти его не успели – он истек кровью. Морозным днем гроб с телом везли на санях, за ними вдалеке ползли по сугробам мы, а в небе летали фашистские самолеты и стреляли. Меня закрывала своим телом родственница. На следующий день нам приказали покинуть село, так как собирались взрывать мост через реку Истра и обустроить рубеж обороны. Мы уехали в село Степановское, взяв лошадь в колхозе, взяв лошадь в колхозе. Вернулись домой только через месяц. Очень врезалось в память большое количество наших солдат из «сибирской дивизии», как тогда говорили. Действительно, для меня ребенка, они казались сказочными богатырями – все высокого роста, в белых полушубках, веселые, добродушные мужчины. Они расселились по всем закрытым домам. Глазами ребенка я видела необычную жизнь – боевую технику и много веселых солдат. Они отдыхали несколько дней, а потом все опустело – их бросили в бой под Волоколамском, а к нам возвращались только раненые. Но уже самые страшные дни войны для нас прошли: закончились бомбежки и стрельба, началась упорная тяжелая борьба за победу. Хотя я была еще маленькой девочкой, все отчетливо запомнила. Мы, дети войны, испытав и познав весь ее ужас, изо всех сил помогали взрослым, много трудились, очень понимали своих близких и, зная как трудно им живется, старались их не огорчать.

Нина Ивановна Бочарова



«Лучше хлеба дай!»

Моя прабабушка, Антонина Антоновна Занемонец, родившаяся в Сталинграде и работавшая там чертежницей на тракторном заводе, оказалась свидетельницей одного из самых крупных сражений, обозначавших «коренной перелом» в ходе Великой Отечественной войны. Владимир Алексеевич Занемонец, военный инженер, муж моей прабабушки, с началом войны был призван в действующую армию. Все время до Победы он провел на фронте, инспектируя артиллерийскую технику, дошел до Берлина, участвовал в освобождении Варшавы, войну окончил в чине полковника.

5 июля 1941 года, ровно за 2 года до начала Курской битвы, у прабабушки Тони родилась дочка Наташа – старшая сестра моей бабушки. Вскоре после того, как Наташе исполнился один год, началась Сталинградская битва. Город был разрушен до основания немецкой авиацией. На месте домов оставались лишь дымящиеся развалины. Среди руин велась снайперская перестрелка. В обороне города, посильный вклад в которую старался внести каждый, Антонина Антоновна никак не могла участвовать – на руках у неё был младенец, и его нужно было хоть как то прокормить.

Жизнь маленькой Наташи несколько раз висела на волоске. Однажды, когда было непонятно, умрет она или «выберется», ее крестила в бомбоубежище одна верующая старушка. Такое тайное крещение детей военного времени нередко совершалось в эти годы.



«Лучше хлеба дай!»

Люди пытались спастись из погибавшего города. На другом, восточном берегу Волги было сравнительно безопасно. Пароход «Иосиф Сталин» с риском эвакуировал жителей Сталинграда. Прабабушка с дочкой опоздала на рейс. С отчаянием смотрела Антонина Антоновна с пристани вслед уходящему пароходу. Вдруг в судно попал немецкий снаряд, пароход пошел ко дну, все погибли. А ведь моя прабабушка могла оказаться там...

В конце 1942 года ей удалось эвакуироваться из города, но после этого она с дочерью оказалась на территории, оккупированной противником. Жили в разоренной деревне. Из-за антисанитарных условий маленькая Наташа много болела. Необходима была детская присыпка, но где ее взять? Один немецкий офицер, не спрашивая ни о чем, достал ее для Наташи. Победа застала Антонину Антоновну с дочкой в Москве. Когда папа Наташи вернулся из Берлина, он привез ей конфет. Подростковая девочка, не имея понимания о том, что такое конфеты, сказала: «Нет, лучше хлеба дай!»

Ефросинья Елатомцева,
выпускница православной школы «Рождество»



Антонина Антоновна Занемонец

«Рискуя выдать место, пробирались в катакомбы»

Я знаю о Великой Отечественной войне из немногословных рассказов моей бабушки, уроков в школе, некоторых художественных фильмов, телепередач, патриотических митингах и из материалов школьного музея.

Живое слово всегда более трогательно и понятно. Однако рассказывать о пережитом во время войны и в послевоенные годы людям очень тяжело и порой больно. Мама мне рассказывала, что ее дедушка, боевой офицер Красной армии, прошедший и Финскую и Великую Отечественную войны, имеющий много наград, а значит много видевший, много переживший, не любил говорить о войне. На ее просьбы – «Деда расскажи про войну» - он сначала замирал, потом тяжело вздыхал и говорил : «Ох, внученька, страшно это...»

Моя бабушка, Раиса Степановна Федотова, родилась в апреле 1939 года. Военные годы бабушка помнит плохо – маленькая была. Жила она в городе Керчь на черноморско-азовском проливе. Воздух города был пропитан солью, йодом, цветущими или спелыми абрикосами, черешней, акацией. В годы Великой Отечественной войны Керчь стала ареной жестоких сражений. Линия фронта четырежды проходила через город. Уже в ноябре 1941 года Керчь была оккупирована фашистскими войсками. Незадолго до этого приступили к эвакуации женщин и детей, поскольку начались ежедневные налеты немецко-фашистской авиации на город.



«Рискуя выдать место, пробирались в катакомбы»

Маленькая Раечка вместе со своей мамой Марией Тихоновной Федотовой были в числе эвакуируемых. По морю путь был отрезан, эвакуация должна была пройти через Крымские степи по перешейку вглубь станы. Но эшелон попал под артобстрел. Оборванные, голодные, измученные жаждой люди вернулись в родной город и попали в оккупацию. Рая заболела воспалением легких. Родственники вместе с соседями спрятались в каменоломнях. Питания, лекарств не хватало, но самым тяжелым было недостаток воды.

Марии Тихоновне пришлось оставить дочь семье своего брата, а самой вернуться в город и устроиться на работу к немцам. Она хорошо знала немецкий язык. По ночам, страшно рискуя выдать место, где спрятались люди и ее крошечная больная дочка, Мария пробиралась в катакомбы, приносила немного еды, воды, лекарств. И это продолжалось почти три года.

Немцы в городе свирепствовали. Выходить из каменоломни было смертельно опасно. Многие дети, пережившие оккупацию в каменоломнях, впоследствии стали инвалидами. У бабушки пострадал слух. Позже ей сделали три операции, но полностью слух восстановить так и не удалось...

Когда Керчь освободили, многие дети, в том числе и моя бабушка оказались в детском доме. Это тоже были непростые и тяжелые годы – годы восстановления города из руин.

Марта Матеюнайте,
ученица 9 класса Рождественской СОШ



*Раиса Степановна Федотова
в детском доме. 1947 год*



А мы не стали памяти перечить
И, вспомнив дни далекие, когда
Упала нам на слабенькие плечи
Огромная, не детская беда.
Бала зима и жесткой и метельной,
Была судьба у всех людей одна.
У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война.
И нас большая Родина Хранила,
И нам Отчизна матерью была.
Она детей от смерти заслонила,
Своих детей для жизни сберегла.
Года пройдут, но эти дни и ночи
Придут не раз во сне тебе и мне.
И, пусть мы были маленькими очень,
Мы тоже победили в той войне.

Роберт Рождественский

*С Уважением,
Архивный отдел управления делами администрации г. о. Истра
(с использованием материалов Сергея Юрьевича Мамаева)*